

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Дергач Илона

Михаил Гулин: «До художника никому нет дела»

Oct 21, 2012 17 2 464 Edit

ART AKTIVIST взял интервью у художника Михаила Гулина, который 9 октября был задержан во время проведения художественной интервенции в Минске.

Михаил Гулин "Персональный монумент" / 2012

Этой осенью в Минске был представлен международный проект «[Going Public. О трудностях публичного высказывания](#)», организатором которого выступил Институт имени Гёте в Вильнюсе (главный куратор — Лена Пренц, кураторы проекта в Беларуси — Ирина Герасимович и Ольга Рыбчинская; организатором проекта в Беларуси выступил Институт имени Гёте в Минске, информационный партнер — галерея современного искусства «У»). Участниками из Беларуси стали художники Михаил Гулин, Артем Рыбчинский, Ольга Сазыкина и Антонина Слободчикова.

Проект включал в себя исследование проблематики публичного пространства и художественного высказывания в нем. Так, интервенция Михаила Гулина «Персональный монумент» должна была рассказать о простейших модулях, выстраивающихся в скульптуру, способную вжиться в городское пространство и консолидироваться с ним на известных площадях города Минска. В результате проводимой художественной интервенции на Октябрьской площади художника и его помощников (Татьяну Гаврильчик, Олега Давыдчика, Владислава Лукьянчука, Сергея Панасюка) задержали и доставили в РУВД. По данному инциденту 26 октября состоится суд.

После задержания стало известно, что директор Института имени Гёте, выступающий организатором и партнером проекта, опубликовал в интернете открытое письмо (на своей странице в facebook), комментирующее произошедшие события, тем самым еще больше усугубив ситуацию.

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квил (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, публич-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)

ART AKTIVIST решил выяснить, что же все-таки произошло, и поговорить о случившемся с художником Михаилом Гулиным.

Расскажите подробнее о случившемся: с того момента, как вы вышли на улицу с модулями, и до того, как покинули отделение РУВД.

Об этой истории я уже писал в facebook. Ситуация была следующая: первым публичным пространством для интервенции была выбрана площадь Якуба Коласа, далее площадь Калинина, на которую мы добирались на метро. После этого мы двинулись на площадь Независимости, а оттуда должны были идти на Октябрьскую. На площади Независимости к нам подошел наряд милиции и поинтересовался, что мы тут делаем. Я объяснил, что мы снимаем на фото и видео созданную мной скульптуру, ее можно быстро демонтировать и унести. Они отдали честь и удалились. Затем пришла куратор Лена Пренц и директор Института Гёте в Вильнюсе (Йоханна Келлер). Мы поговорили с ними, я рассказал об адекватной реакции милиционеров и проинформировал, что мы идем на Октябрьскую площадь (то есть у моих собеседников была информация о том, куда я двигаюсь дальше). Так выстроилась определенная линия движения: пл. Я. Коласа–пл. Калинина– пл. Независимости–пл. Октябрьская.

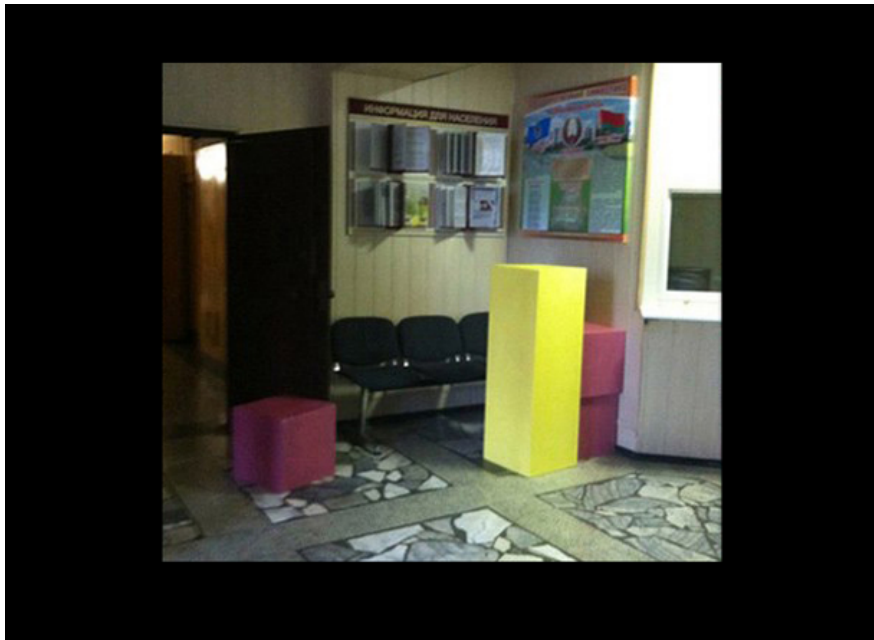

Михаил Гулин "Персональный монумент" / 2012

Итак, с Независимости мы пошли на Октябрьскую площадь. И там же нас задержали сотрудники ОМОНа. Как они сказали, нас «приняли по звонку», так как мы замечены видекамерами КГБ, мимо которого мы проходили. Вначале навстречу нам были посланы два ОМОНовца, которые должны были нас остановить и провести беседу. Они очень пристально рассматривали нас и желто-розовые кубы, но, видно, так и не

поняли, что звонок пришел именно «на нас». Поэтому нас не остановили. Отчасти, возможно, потому, что они ожидали неких провокационных плакатов, откровенно политизированных вещей.

Но чуть позже нас все-таки задержали, прямо на площади. Тогда я понадеялся, что перепишут наши паспортные данные и этим все закончится, но этим инцидент не завершился. Как мне кажется, причиной этому стал один фактор: художественную интервенцию мне помогала документировать оператор Татьяна Гаврильчик – журналистка «Нашай Нівы», с которой я давно сотрудничаю, еще со времен учебы в Академии искусств. Она снимает все мои перформансы и работы. Во время задержания она предъявила не журналистское удостоверение, а свой паспорт и пыталась объяснить, что в этой ситуации она выступает не как журналист, а как подруга, помогающая документировать проект. Сотрудники ОМОНа переписали данные наших паспортов и остались рядом с нами. Чуть позже нам объявили, что все-таки придется проследовать в РУВД, и нас погрузили в автобус. Все это время никто не пытался разобраться, что мы делаем, почему и с какой целью. Командир ОМОНа сказал: «*Не надо мне ничего объяснять. Поступил звонок – я обязан отреагировать*». В это время все еще была надежда на то, что ситуация прояснится.

Михаил Гулин "Персональный монумент" / "арестованные" кубики в РУВД / 2012

По приезду нас «загрузили в обезьянник», кубики остались в коридоре (и в итоге так и остались в РУВД). Затем ситуация стала казаться совершенно безнадежной, абсурдной и беспросветной. Оказалось, что из всех задержанных только у меня ранее были сняты отпечатки пальцев. Тут что называется «пошло-поехало»: всем было предложено, в приказном порядке, «откатать пальцы». Мои помощники попросили предъявить протоколы задержания, а также спрашивали о том, имеют ли они право отказаться от дактилоскопии. После этих заявлений ребят стали выводить по одному. Первым, с красной от удара щекой, вернулся самый старший из волонтеров. Вызвали второго помощника – темнокожего Влада. Его вернули с разбитой головой: двумя гематомами на лбу и кровоподтеками на лице и скуле. В тот момент мы не могли толком проанализировать ситуацию и не понимали, во что все может превратиться. Мы даже не успели среагировать (звонить было запрещено). Я был в шоке, потому как чувствовал свою ответственность за этих людей. Я бросился к какому-то офицеру, попросил принять меры. Он пошел разбираться. Следующим вызвали третьего парня-волонтера, который вернулся с бледным лицом. Татьяне также надели наручники и «откатали пальцы».

Все быстро узнали о случившемся, ведь была задержана журналистка. Татьяну отпустили уже через четыре часа, а мы оставались в РУВД, семь часов без предъявленного нам обвинения. Ну а далее нам были предъявлены протоколы, где говорилось, что мы *сопротивлялись при задержании*. Сразу после РУВД мы поехали в больницу скорой помощи, там нам объявили, что побои снять невозможно, потому как нужно направление участкового. Но Влад получил необходимую медицинскую помощь, ему констатировали сотрясение мозга.

От Татьяны пошла первая информационная волна, которую наши кураторы пытались погасить. В тот же вечер начались многочисленные звонки от журналистов, а вот главный куратор проекта в этот вечер так и не позвонил. Тут важно отметить, что в этой ситуации нам было необходимо, чтобы вмешался человек, обладающий полномочиями для разрешения этого вопроса, готовый подтвердить мой статус *участника международного проекта*.

Прошли слухи о том, что директор Института Гёте в Минске отказался от проекта. На следующий день в интернете появилось открытое письмо Франка Баумана, в котором он отказывался нести ответственность за вашу интервенцию. А как на самом деле: белорусская часть проекта продолжилась или была свернута после инцидента? Каково дальнейшее развитие ваших отношений с данной организацией? Поддерживают ли они вас в этой ситуации теперь?

Что касается продолжения проекта – я не знаю, со мной из организаторов на связь никто не выходит. Тут стоит отметить следующее: мои эмоциональные высказывания в прессе после задержания были вызваны тем, что в течение суток я не получал никакой информации от кураторов. На связь не выходил никто из тех людей, которые должны были это сделать в первую очередь. То есть поддержки никакой, поэтому я какие-то аспекты случившегося комментировал «на эмоциях». Сейчас я понимаю, что, возможно, это было не совсем правильно.

Что касается отношений с Институтом Гёте, то пока рано подводить какой-то итог.

Я думаю, что в письме Института допущен ряд ошибок, даже стилистических. Например, говорится об «акции на Октябрьской площади», при этом не упоминается, что моя мобильная скульптура выставлялась не только на Октябрьской, но и на других площадях города. В письме указано, что Институт имени Гёте *не поддерживает «такие акции»*, при этом не присутствовало описание «акции» («пронос» и установка абстрактных конструкций и их документирование). Указывалось, что я *нарушил основные принципы сотрудничества с Институтом*, но не пояснялось, что нарушение состояло только в том, что мы не сообщили о намерении отправиться на Октябрьскую площадь. Я бы без проблем это сделал, если бы от кураторов или руководства Института поступило подобное требование – утвердить маршрут следования. Институт Гёте знал все, я ничего не скрывал. Другое дело – меня никто не спрашивал о каких-то конкретных деталях. Мои кураторы прекрасно понимали, что ничего противозаконного в этой художественной интервенции нет, знали, что я буду работать в центре города.

Михаил Гулин "Персональный монумент" / документация процесса транспортировки монумента / 2012

Кто инициировал ваше участие в проекте Going Public? И действительно ли Институт Гёте не знал деталей вашего проекта?

Мое появление в проекте связано с кураторами в Минске – Ириной Герасимович и Ольгой Рыбчинской. Я присутствовал на семинаре в Вильнюсе и более того, я единственный из белорусских художников, кто был приглашен в Клайпеду и Калининград и участвовал во всех трех «контекстах». Весной, в самом начале, нас попросили озвучить свои планы. Летом я предложил дополнительные идеи, но Франк Бауман от них отказался, из соображений безопасности, и по этому поводу у меня не было никаких иллюзий или раздражения.

Из всех предложенных художественных интервенций были оставлены проекты Ольги Сазыкиной, Антонины Слободчиковой и мои. Все проекты были рассмотрены, их концепции были озвучены. С июля месяца на официальном сайте Института Гёте в Мюнхене висит информация о том, что *я буду ходить по центру города с большими геометрическими фигурами и мои абстрактные модули можно будет складывать в различные объекты.*

То есть все было открыто. Вся ситуация так сложилась лишь из-за того, что Октябрьская площадь в Минске является чрезмерно «эрогенной зоной». И, по сути, Институт Гёте своей реакцией усугубил весь этот абсурд. Я ведь ничего не нарушил: ни с точки зрения правил проекта, ни с точки зрения законодательства.

Как вы думаете, художественная ценность вашего проекта в этой ситуации потерялась? Что послужило темой вашего исследования?

Художественная ценность проекта не потеряна. Эта интервенция наводит меня на мысль, что я на правильном пути. Это типичный прием в современном искусстве, где художник вообще «отказывается от искусства», где он уже не ремесленник и не «искусник». В данном проекте я отказываюсь от «своего», от своей руки. Я делаю простые вещи, но они становятся искусством. Зрители и критики сами формируют собственное суждение. Я всего лишь поднимаю вопрос. Но я могу также моделировать ситуацию, комментируя ее, хотя в этой интервенции я не собирался переходить социальные рамки. Я использовал минималистские и поп-артовские приемы, не являясь ни минималистом, ни поп-арт художником. Я подготовил стандартные модули. А что касается интерпретаций – это я оставляю на суд умных зрителей. И если говорить о провокации, то это в первую очередь повод подумать, не более. И меня, как художника, эта скульптура полностью удовлетворяет, и эстетически, и пластически. Мне было интересно смотреть на нее в городе.

Проект называется «О трудностях публичного высказывания». Вам удалось на себе ощутить эти сложности? Можно ли считать произошедшее другой гранью проекта, когда 'going public' (публичность) превращается в личность, представляющую собой угрозу для этой же публичности?

Как художник я «отпустил» эту интервенцию, эта работа уже живет сама по себе. Но здесь стоит поднять другую проблему: я не только художник, но и гражданин, и мое имя пытаются запятнать. Появляется слишком много обвинений в мой адрес. Как художнику – мне все равно, какое продолжение получит интервенция в дальнейшем, для меня она выполнила свою функцию. Но как человек я обязан отстоять свою позицию и 26-го октября должен попытаться опровергнуть обвинения в суде, предъявленные в мой адрес. Что-то уже изменить нельзя: меня уже уволили с работы на фоне случившегося. Повторяю, я не нарушал законодательства – почему я должен отказываться от простейших человеческих прав?

Является ли угрозой «непонимание» процессов современного искусства представителями государства? Может быть, этот случай как раз и выявляет пропасть между художником и зрителем?

Я чувствую и осознаю эту пропасть, именно поэтому я начал выходить на улицу. Мне важно эту пропасть закрыть собой: я хочу, чтобы исчез страх в глазах и чтобы люди потихонечку начинали реагировать. То, что я делаю, – все это ради искусства. Мне очень важна правдивость среды, а не инсценировка. И этот проект получил резонанс.

Везде пишут о том, что вас арестовали за «невинные абстрактные кубики», но какого-либо отношения к хулиганству, критике, иронии они не имели. Однако на фотографиях, опубликованных позже, видно, что из этих кубиков вы собирали различные формы. А что вы собирались выстроить из них на Октябрьской площади?

На каждой площади должен быть свой монумент. На Октябрьской площади была простая форма. Все эти кубики были поставлены друг на друга: внизу желтый параллелепипед и розовые наверху. И больше мы ничего не хотели там делать.

Михаил Гулин "Персональный монумент" / уцелевшее фото интервенции на Октябрьской площади / 2012

Какой поддержки вы ожидаете со стороны белорусского арт-сообщества?

Сейчас уже никакой. Поддержки, с одной стороны, до сих пор нет. Пока со мной связывались лишь несколько человек. Конечно, есть неожиданные и очень трогательные отзывы, а есть бестолковые и страшные реакции от людей, от которых такого вообще не ожидаешь.

Безусловно, консолидация нужна. Три дня я находился в сюрреалистическом сне, и казалось, что все беспросветно. Понимаете, трюсость и перестраховка не имеют никаких границ. Для меня это очень интересный опыт — для сообщества, думаю, тоже. И на суде, и сейчас вопросы искусства не обсуждаются, и вряд ли будут обсуждаться. Что касается арт-сообщества в качестве эксперта, то оно сомнительное место для объективной оценки.

Когда говорят о PR-е, меня тошнит, здесь в Беларуси он не работает. Как художник «бонусов я приобрел много»: меня уволители с работы, уже вряд ли я буду работать с Институтом Гёте, площадка Музея современного искусства, скорее всего, для меня закроется также.

Кстати, через два дня после случившегося у нас была встреча со всеми участниками проекта. Я был удивлен, что на нее приехал и Франк Бауман. Позже он спрашивал меня, почему я ему лично не позвонил в тот вечер. Но ведь есть же определенный церемониал: мы общаемся через кураторов (я даже не знаю телефона директора Института). Художник несет ответственность за свое произведение, куратор — за подбор художников, текстовое сопровождение, наличие материалов для работы; институция — за организацию процесса и непредвиденные ситуации. И когда я говорю об институции, я не имею в виду лично директора Института Гёте в Минске.

Реакция и поддержка сообщества мне нужна, но я готов справиться с этим самостоятельно. Ведь, как показала ситуация с художником Бисмарком, письмо ничего не изменило, кроме немаловажной консолидации сообщества. Я к этому готов. Хотя, возможно, я сейчас слишком резок в своей оценке ситуации. И вокруг меня есть люди, которые не оставляют надежды помочь.

Описанные события на практике подтверждают незащищенность художника и его работ, как со стороны правовой политики государства, так и со стороны профессионального сообщества. В тот вечер Михаилу Гулину необходимо было подтвердить статус художника и проекта. Сделать это могли либо кураторы, либо директор Института Гёте. С одной стороны, РУВД нужны были доказательства совершаемых действий на Октябрьской площади. С другой стороны, милиция усугубила ситуацию, некорректно отреагировав на требование задержанных ознакомить их с протоколом и причинами задержания. Также стоит заметить, что проверка правомерности данной ситуации со стороны РУВД не исключала возможности защиты задержанных, а такой защитой могли послужить как раз доказательства статуса художника и проекта. То есть ситуация могла бы сложиться иначе, если бы не недостаток информации о проекте.

ART AKTIVIST выражает свою поддержку художнику Михаилу Гулину и надеется, что ситуация в скором времени разрешится.

Tweet

0

Нрави:

Читать по теме:

«Ченто»: вместо (ДЕ)фрагментации –
полное форматирование

Первая минская триеннале: шоу,
гламур, шизофрения

активизм, закон, цензура

интервью

общество

события, выставки

Предыдущая публикация

Следующая публикация

17 comments

АРИСТОФАН
Oct 21, 2012

Ай-яй-яй, хотел парнишка получить чем побольше «резонансных откликов» (это, между прочим, семантический плеоназм, да будет Гулину известно), да не на ту «эрогенную зону» города вышел. Ай-яй-яй! И вот получил парнишка откликов этих резонансных с Гулькин нос. Кому может быть интересен такой мелкий, пустой и ссыкливый художничек?

ЛЮБА Л.
Oct 21, 2012

Ну, Ваш отклик, например, не резонансный. Так что напрасно Вы с семантическим плеоназмом. От комедиантов хотелось бы остроумное слышать, а не оскорбительное. Держитесь, Михаил!

КУАЛА
Oct 21, 2012

аристотфан, а тебя не пугает пустыньность этих площадей,этого города,пустыньность аэропортов,пустыньность этих галерей и музеев,густота газонов и свежесть очередного перекрашенного фасада, а эта «окаменелость» утром в метро? И эта «пустыня» в лишний раз обнажилась и только поэтому ты мог бы смолчать со своим личным «фи».И дело тут не в пиаре или резонансе. Хотя и у меня есть вопросы к некоторым высказываниям Михаила в этом проекте, но этот проект и «такой художничек» интересен,как минимум, мне! В конце уж очень хочется процитировать Рому(<http://34mag.net/post/roma-y-irane/>) «Тэгеран вялікі і хуткі, як Масква, — у ім можна знайсці ўсё і ўсё страціць. Тэгеран такі ж маўклівы і замкнёны ў сабе, як Менск, — у ім амаль немагчыма сустрэць турыстаў. Я апускаю вочы ў зямлю, калі бачу чарговы патруль у цывільным. Але ўнутры я смяюся, бо ведаю: сіла ў праўдзе, брат, а яшчэ ў веры, рашучасці і маладосці.

Лаўлю вецер на Азербайджан! Падзьмі на поўнач і ты мне дапаможаш!»

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
Oct 21, 2012

Люба, вы, видимо, очень чувствительная натура. Не надо, Люба! Берегите, Люба, свое сострадательное сердце! Или, по карайней мере, поберегите сердечко ваше для других «актуальных» художничков, бездарствующих, как и Гулин (других-то у нас и нет), но не настолько непроходимых в умственном отношении. Вот вы мне, Люба, не-куратору-галерейному да не-искусство-ведателю, объясните великодушно, что это вообще такое за говнецо тут написано? Цитирую: «Так, интервенция (sic!) Михаила Гулина "Персональный монумент" должна была рассказать о простейших модулях (sic!), выстраивающихся в монумент-единицу (sic!), способный вжиться в городское пространство и консолидироваться (sic!) с ним на известных площадях города Минска». Друзья мои, Любушка, да что же это делается!? Да сколько же можно-то умными да заморскими словами, ничего не значащими и непонятно как сочетаемыми в предложении, сыпать-то и сыпать да на нашу-то и без того усталую головушку!? Да словами-то этими прикрывать свое да разных гулькиных непостижимое ничтожество!? Ай-яй-яй!!!

КУАЛА

Я подул на север и поддерживаю Михаила,держитесь!

АРИСТОФАН
Oct 21, 2012

Ай-йй-йй! Не хочет редакция публиковать мой комментарий! А я такой длинный написал! Ай-йй-йй!

Ну, тогда, может, редакцийка мне ответит, как это все вами, любезные, написанное понимать? «Так, интервенция (sic!) Михаила Гулина "Персональный монумент" должна была рассказать о простейших модулях (sic!), выстраивающихся в монумент-единицу (sic!), способный вжиться в городское пространство и консолидироваться (sic!) с ним на известных площадях города Минска». Как, друзья мои, интервенция может о чем-то рассказать? А уж тем более о простейших модулях? Которые выстраиваются в монумент-единицу? Который, в свою очередь, имеет способность встраиваться в городское пространство? А кроме того, и консолидироваться с ним?

DOO
Oct 22, 2012

отличные кубики. стильные, красивые и символические. даже на фотографиях существенно резонируют с окружающей унылостью.

СТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ
Oct 22, 2012

Совет автору: в подобных ситуациях, где эмоции явно мешают адекватному восприятию реальности участниками событий (и тут, наверное, у каждого из участников будет свое видение ситуации), есть смысл не делать объективных выводов (я говорю о последних двух абзацах) из крайне однобоких и эмоциональных высказываний художника. Пообщайтесь с организаторами, кураторами, другими художниками, волонтерами, наконец. И да, Михаил Гулин помнит только о дате своего суда, а о сегодняшнем суде над двумя, сильно пострадавшими, в том числе и по его вине, волонтерами, почему-то забыл сказать.

ЛЮБА Л.
Oct 22, 2012

Да, к Гулину возникает много вопросов. Немного удивляет его стремление спихнуть ответственность за принятое им решение на кураторов. Он, как художник, самостоятельно сделал выбор маршрута, о котором никого точно не проинформировал, и это его полное право. Только ответственность за этот выбор он должен тоже нести самостоятельно. Так же как и за то, что случилось с его ассистентами. Не думаю, что он не догадывался о возможных последствиях, идя на Октябрьскую, как и о риске, которому подвергает всех участников (двое его ассистентов, в отличие от него, были сильно избиты, и хочется надеяться, что они не будут отчислены из ВУЗов). Поведение организатора проекта, Института Гете, в лице его директора Баумана трудно объяснить иначе, чем позорным малодушием. Но обвинения Гулина в адрес минских кураторов просто не соответствуют действительности! Кураторы находились в участке, и пытались сделать все возможное, чтоб спасти задержанных, но их полномочий было недостаточно, чтоб подтвердить статус участников проекта. Не понимаю, зачем Гулину ради драматики так несправедливо обходиться со своими сторонниками.

AVTOR
Oct 22, 2012

Извините, АРИСТОФАН, ваш комментарий понят. Я исправила тавтологию. Что же касается заданных вопросов — подумайте сами. В статье все написано: какие проблемы затрагивал проект и что хотел сказать художник. А значения и синонимы слова «интервенция» смотрите в словаре. Возможно вам станет понятно.

МИХАИЛ ГУЛИН
Oct 22, 2012

Сегодня состоялось первое заседание суда, после которого мое дело и дела волонтеров «моего» проекта объединены в одно, и следующее слушание назначено на 29 октября. Спасибо правозащитникам, которые работают с нами! Большое спасибо всем за поддержку! Как я не старался, никого не обидеть — вижу этого не получилось. Подтверждаю, что белорусские кураторы со мной на связи и оказывают всяческую поддержку. Ирина Герасимович была сегодня в суде! Так же совершенно верно, то, что их полномочий было просто недостаточно, чтобы повлиять на ситуацию. Сожалею, что эти очевидные для меня вещи не прочитываются в этом тексте. Еще раз спасибо за поддержку — это очень важно и ценно, не только для меня!

АРИСТОФАН
Oct 22, 2012

Ладно, автор, окей, не буду придираться к вашим странным формулировкам (и без того видно, что языкознание для вас — область темная).
А вы можете емко, доступно и без словоблудия объяснить, в чем же художественное достоинство этой акции и что хотел сказать акционист?
Из интервью я понял лишь то, что акция не политическая, и что художник типа хотел исследовать проблематику публичного

пространства и возможность высказывания в нем. Хорошо. Но зачем это ему? Напрашивается ответ: чтобы в процессе исследования прийти к выводу, что в нашей стране публичное высказывание, даже не политическое, невозможно. Почему невозможно? Потому что у нас диктатура, ментовское государство и т.д. Да, это у него получилось доказать. За невинную акцию попал в обезьянник, лишился работы. Мужественный поступок совершил, в общем. Но что за высказывание художник нес в публичное пространство? Ответ: художник нес модули, выстраивающиеся в монумент-единицу, способные консолидироваться с городским пространством. Замечательно! И еще я не понимаю, чего он теперь ноет. Если целью исследования не являлась демонстрация широкому кругу людей того, что в нашей стране даже за инфантильные псевдохудожественные выходы забирают в милицию, то зачем тогда нужно было это исследование. А если цель была именно в том, чтобы попасть в милицию, то художник своего добился и должен радоваться. Или он рассчитывал на славу Писсей райт, а она не приходит, и парнишка приуныл?

НЕОПАРТИЗАН
Oct 29, 2012

Держитесь, Михаил!
И просто игнорируйте псевдоинтеллектуальное занудство и циннизм комментаторов. То что у нас такая страна — в этом и их заслуга. Каждый из них сидит в своей тёплой ячейке и брюзжет завистливо своей несостоятельностью и человеческой ущербностью. Но правильные люди ещё остались и они поддержат вас!

АРИСТОФАН
Oct 30, 2012

НЕОПАРТИЗАН, слово «цинизм» пишется с одной буквой «н». После «то» и перед «что» необходимо поставить запятую. «Брюзжит» пишется с «и». Вы, наверное, хотели сказать «брызжет»? И вообще, «брюзжит несостоятельностью и ущербностью» — так писать нельзя. В последнем предложении перед «и» необходимо поставить запятую. Таким образом, в тексте и 46 слов вы допустили 4 грамматические и 1 стилистическую ошибки. И после этого вы смеее решать, где псевдоинтеллектуальные комментарии, а где — нет? И еще. Если вы, Неопартизан, «правильный» человек, то, наверное, расскажете мне, чему вообще тут завидовать? Ну, погулял «художник» по городу с кубиками. Это что, какое-то невероятное достижение?

LAST
Oct 30, 2012

АРИСТОФАН!
Вы по ходу очень одинокий человек...Или тролль... Мне искренне жаль вас. Грамматические и синтаксические ошибки, в данном случае, могут быть вызваны нехваткой времени комментатора=быстротой печати нужных слов. Главное то, что он выразил слова поддержки. Поняли, я думаю все... кроме вас. Ибо вам важно доказательство своего же интеллектуального превосходства: над журналом, автором, комментаторами. Счастлив тот, кому ничего не надо доказывать. Держитесь, АРИСТОФАН! Когда-нибудь вы станете счастливым.. или нет... откуда мне знать?

P.S. Уверен, вы не пропустите этого сообщения. Но все-таки воздержитесь! Поберегите свое самоуважение и гордость!

ЕГОР
Nov 1, 2012

границы свободного существования в городе в рамках законодательства — эта акция выявила. то есть в Минске лучше быть друг другу прохожими... «эй, прохожий, проходи, эх пока не получил». это не город, это — зона.

«слово «Люди» пишется с большой буквы»

НЕОПАРТИЗАН
Nov 2, 2012

АРИСТОФАН...
спасибо за подробный анализ. Я действительно вынужден (в очередной раз) убедиться в том, что правописание страдает от нехватки времени и внимания. Но пускай страдает правописание, а не человечность.

...
«Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.
Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.
Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза.
Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.
А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать».

Комментарии: 0

Сортировка

Самые старые

Добавьте комментарий...

[Плагин комментариев Facebook](#)

Добавить комментарий

Вы вошли как Редакция. Выйти »

Комментировать

[О проекте](#)
[Партнеры](#)
[Реклама](#)
[Контакт](#)

[Facebook](#)
[Twitter](#)
[RSS](#)

© 2011-2012 Art Aktivist. Все права защищены.
89 queries in 0,391 seconds.

Design & Web Development
by Sgustak Studio